

© 1991 г.

ХАЛИЛОВ М. Ш.

К ВОПРОСУ О ГРУЗИНСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТАХ

(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Не приходится сомневаться в том, что Кавказ с его богатейшей этнической, культурной и языковой историей составляет в высшей степени интересный объект для изучения взаимодействия его языков. Несмотря на широкое признание этого обстоятельства (ср. [1]) и даже наличие отдельных публикаций соответствующего плана (ср. [2]), лингвоареальные исследования все еще не стали предметом целенаправленной работы кавказоведов. Между тем они существенно не только с собственно лингвистической точки зрения, но и с точки зрения культурно-исторической (достаточно напомнить, что Кавказ составлял в свое время периферию крупнейшего центра мировой цивилизации).

В условиях сильно пересеченного языкового ландшафта современного Кавказа естественно различать взаимодействие не только его автохтонных и неавтохтонных языков, но и внутригрупповое и межгрупповое взаимодействие автохтонных языков, имеющее особенно глубокие основания. Сейчас достаточно очевидно, что одну из важнейших задач кавказоведения в этом плане составляет выявление внутригрупповых и межгрупповых доминант [3, с. 178—179]. Среди последних наиболее значительное место принадлежит грузинскому языку, длительные ареальные контакты которого с другими языками Закавказья и Северного Кавказа оставили свои многочисленные следы.

Важно с самого начала подчеркнуть далеко не односторонний, а, как правило, обоюдный характер подобного языкового взаимодействия. И если, скажем, литературная форма того или иного доминантного языка может не содержать каких-либо включений из соседних, то его диалектные формы сплошь и рядом их имеют. Очень показательно, в частности, что грузинский язык уже с древнейшей поры знает подобные включения из соседних нахских и дагестанских языков (ср. др.-груз. *xe* «дерево» < нахск. *xe*, др.-груз. *q(r)dal* «кобыла» < нахск. *qadal*, др.-груз. *obol* «сирота» < авар., цез. *hobol* «гость, чужестранец» и др.).

Исходя из реальной картины межгруппового соприкосновения картвельских — и прежде всего грузинского — языков с их соседями, можно выделить четыре основных региона — абхазский, чечено-ингушский, цезский и южнолезгинский ареалы, хотя языковые контакты здесь происходили разновременно и имели неодинаковые экстралингвистические предпосылки. В целом для более отдаленного прошлого можно, по-видимому, наметить, по крайней мере в полосе горских грузинских диалектов, и действие фактора субстрата [4].

Политико-экономические и культурные связи картвелов и дагестанцев уходят далеко в их историческое прошлое. Начало грузинско-дагестанских контактов, видимо, можно отнести к первым векам нашей эры.

Наиболее ранние отрывочные сведения о них встречаем в античной и древнегрузинской традициях. Более тесные контакты с Грузией, особенно с восточной ее частью — Кахетией, поддерживали аварцы (анцухцы, закатальцы), рутульцы, удины, цахурцы, цезы (дийойцы). Однако эти взаимоотношения не были одинаковыми на всех этапах, они зависели от внутривосточного и внешнеполитического положения Дагестана и Грузии.

Наряду с экономическими и политическими связями эти народы поддерживали тесные культурные связи. Одним из элементов культурных связей между ними являются языковые контакты на разных уровнях.

Исследование иноязычной лексики важно не только для выявления словарного фонда, но и для решения проблемы социально-экономических связей их носителей, поскольку «заимствованная лексика является самым наглядным критерием исторических контактов языков, отражающих эпохи культурного влияния того или иного народа» [5, с. 177]. Изучение заимствованной грузинской лексики в дагестанских языках и дагестанской в грузинском даст возможность сделать обстоятельные выводы в лингвистическом плане, в частности, выявить фонетические, морфологические адаптации и семантические переосмысления в заимствованиях, установить их примерные хронологические рамки и т. д. Постановке этой проблемы посвящена настоящая статья.

Проблема грузинско-дагестанских языковых контактов в кавказоведении освещена фрагментарно, в монографическом плане она еще не исследована. В работах И. В. Мегрелидзе [6], В. Г. Топурия [7], В. Н. Панчидзе [8], Е. А. Бокарева [9], Ш. И. Микаилова [10], Т. Е. Гудава [11], С. М. Хайдакова [12], Е. Ф. Джейранишвили [13], Г. А. Климова [3, 14], Г. Х. Ибрагимова [15], О. А. Кахадзе [16] и др. в большей части затрагиваются вопросы лексических, иногда морфологических встреч и заимствований. На материале встреч между грузинским и дагестанскими языками вообще, а также грузинским и аварским, грузинским и лакским, грузинским и лезгинским, грузинским и цахурским, грузинским и цезскими и др., в частности, они уже ставились в науке. Отдельные аспекты фонетико-морфологического освоения заимствований и влияния грузинского языка на фонетику и морфологию некоторых дагестанских языков освещаются у Т. Е. Гудава [17], К. Ш. Микаилова и А. А. Ахмедова [18], Г. А. Климова и М. Ш. Халилова [19] и др. Этимологический анализ некоторых грузинизмов и дагестанизмов, а также топонимы и микро-топонимы грузинского происхождения на географической карте Дагестана отражены в статьях Г. А. Климова [14], К. Ш. Микаилова [20, 21], М. Р. Гасанова [22], М. Ш. Халилова [23] и др. Однако подробного освещения грузинизмов в фонетико-морфологическом, семантическом плане не предпринималось, не выявлен также грузинский пласт в лексике дагестанских языков.

В истории грузинско-дагестанских контактов можно выделить два основных этапа взаимодействия — до и после XVII в. Если оставить в стороне заслуживающую специального рассмотрения гипотезу о нахско-дагестанской субстратной подоснове грузинских горских диалектов Восточной Грузии, существующую со времен Н. Я. Марра (ср. [24, с. 128—129]), то можно думать, что на первом этапе, особенно на начальной его стадии, контакты были слабыми. Влияние грузинской культуры усиливается в XI—XIII вв., когда Грузия достигает высокого культурного, политического и экономического уровня развития. Второй этап (XVIII—XX вв.) отличается тем, что связи между обоими регионами становятся

более тесными и соответственно языковые контакты усиливаются. Этот период отличается интенсивностью взаимопроникновения лексических и других языковых единиц и большей степенью проникновения грузинских лексических элементов в дагестанские языки. Следует отметить, что, если в течение почти всей истории взаимоотношений языковые контакты в основном носили маргинальный характер, то в последнее столетие контакты были и интрарегиональными. На втором этапе нередко происходит повторное заимствование, теперь лексемы заимствуются из новогрузинского языка. А отдельные древние слова подвергаются и некоторым фонетическим и морфологическим изменениям, т. е. в дагестанских языках они стали произноситься близко к нормам новогрузинского языка.

Грузинский язык в отличие от дагестанских имеет богатую литературную традицию и широко использовался в XI—XV вв. на Кавказе. Дагестанцы, как и многие другие народы Северного Кавказа, не имевшие своей письменности, пользовались алфавитом соседних народов. Надписи, обнаруженные в Дагестане, служат доказательством использования грузинской письменности в Дагестане [25—27].

В течение всего этого периода истории языковых контактов в силу повседневных жизненных потребностей двуязычными были носители некоторых дагестанских языков. Факторами возникновения двуязычия в условиях Дагестана являлись: торгово-экономические связи, отходничество, чрезвычайное многоязычие, потребность межнационального общения и проникновение христианства в Западный Дагестан (XI—XIII вв.). Можно допустить, что грузинский язык в какой-то степени когда-то выполнял функцию языка межэтнического общения, например, между цезами (дидойцами); многие представители старшего поколения и в настоящее время знают грузинский язык. И поэтому вполне естественно, что именно в цезских языках налицо обилие грузинизмов.

Основной слой грузинизмов в дагестанских языках составляет лексика, заимствованная в более поздний период — новогрузинский (XVIII—XX вв.) — время самых интенсивных контактов. Однако некоторые из них восходят к эпохе древнегрузинского (V—XI вв.) или среднегрузинского (XII—XVII вв.) периодов. Ввиду отсутствия исторических письменных памятников по дагестанским литературным языкам, и тем более по многочисленным бесписьменным языкам, весьма трудно хотя бы приблизительно датировать их проникновение или дать глубокий всесторонний анализ этого сложного процесса. Однако можно установить некоторые хронологические рамки этих заимствований.

Отнесение некоторых грузинизмов к древнему или новому периоду возможно по фонетическим признакам. Фонема *q* была характерна для древнегрузинского языка. В ряде дагестанских грузинизмов она сохранилась: *wenaqi* «виноградник», *toqi* «мотыга», *gatoqna* «прополка» (бект., гунз.) и т. д. Источником этих заимствований не является современный кахетинский диалект, с которым граничат цезские языки, так как в кахетинском, как и в современном литературном грузинском языке, отсутствует фонема *q*, хотя их источником мог быть и старокахетинский (она сохранилась преимущественно в горских диалектах грузинского языка, не соприкасающихся с дагестанскими).

Некоторые удинские грузинизмы хронологически можно отнести к более древнему периоду на основании того, что наиболее ранние заимствования из грузинского в удинском претерпели сильные фонетические изменения, так же, как, в частности, в нахских языках [5, с. 266]. Установить их примерную хронологию можно, связывая лингвистические факты

с экстралингвистическими (проникновение христианства, период расцвета Грузии, период жизни дагестанский диаспоры в Грузии и т. д.). Например, некоторые термины сельского хозяйства и животноводства, на наш взгляд, являются наиболее древними заимствованиями, поскольку картвель, как известно, издревле занимались земледелием и животноводством. Термины христианской религии вошли в некоторые цезские языки в период проникновения христианства в Западный Дагестан (XI—XIII вв.). В дагестанских языках несомненно существует немало древних заимствований из грузинского. Всесторонние исследования словарного фонда всех дагестанских языков дадут в этом плане богатый материал.

Вместе с тем налицо следы обратного влияния некоторых соседних дагестанских языков на грузинский, особенно на восточногрузинские диалекты. В грузинском их число значительно меньше. Добавим к ранее приведенным несколько новонайденных сопоставлений: *bitla* (хевсур.) «пятiletний тур» < *biPo* (цез.) «олень вообще» или же *tirkumeli* (груз.) «почка» (анатом.) < *turkun* // *durkun* (лезг.), *navveli* // *naveli* (груз.) «желчь» < *newu* (таб.), *payo* (лезг., рут.), *peyo* (агул.) и т. д. [16, с. 349].

Большинство заимствований в дагестанских языках являются контактными, вместе с тем встречаются и неконтактные. Из числа картвельских языков с дагестанскими контактировал грузинский, точнее, его кахетинский и, далее, ингилойский диалекты (сведения Вахушти о том, что Сванетия распространялась некогда до Дидоэти, т. е. до страны цезов, пуждаются в проверке). Контактными являются заимствования в цезские, в анцухский и закательский диалекты аварского языка, а также в рутульский, цахурский и удинский языки лезгинской группы. А к неконтактным относятся лексические элементы, проникшие в дагестанские и другие соседние языки и диалекты, не имевшие непосредственного соприкосновения, через посредство контактировавших языков. К неконтактным, видимо, можно отнести отдельные проникновения в чамалинском, багвалинском и тиндинском языках, вошедшие через чеченский или цезские языки, или грузинизмы закательско-кахских говоров азербайджанского языка, проникшие, как правило, через посредство цахурского. Ср.: *zoka* (багв.), *seku* (чам.), *seku* (тинд.) «гриб»; *fik* «бурдюк» (зак.-ках.) < *fikij* (цах.), *zapel* // *sepel* «бук» (зак.-ках.) < *çipel* (цах.), *siqij* (зак.-ках.) «суслик» < *ciqij* (цах.) «белка» и т. д.

Как известно, в дагестанских языках многочисленны заимствования из восточных языков: из арабского, иранских и тюркских. Время их проникновения разное. Одни из них заимствованы непосредственно из языка-источника, а другие опосредованно. Например, в цезские языки некоторые восточные лексические элементы вошли через посредство аварского или грузинского языков. Выделяются случаи, когда можно достоверно констатировать, что часть слов проникла через посредство грузинского. Ср.: *albal* «вишня», *birinži* «рис», *tabako* «поднос», *peranki* «комбинация (женская)», *burço* «сверло» и т. д. Подтверждением этому служит тот факт, что в аварском языке многие восточные заимствования представлены фонетически в более измененном облике, чем в грузинском. Грузинский язык оказался посредником при заимствовании из греческого (*nawi* «лодка», *hafri* «воздух»), латинского (*palo* «клин») и других языков.

В связи с установлением тесных взаимоотношений в XVIII в. между Россией и Грузией в грузинский язык проникают русизмы, которые в дальнейшем вошли и в отдельные дагестанские, нахские [5, с. 203; 28] и другие языки.

Не всегда легко определить, какие арабские, иранские, русские и тюрк-

ские элементы были заимствованы через грузинский язык. Еще более сложно отграничить цахурские грузинизмы от среднеперсидского и армянского материала. Как нам кажется, наиболее надежным критерием в этом плане может служить фонетический облик этих слов, который в грузинизмах подвергается специфической адаптации.

Грузинизмы входили в некоторые дагестанские языки не только с новыми понятиями и реалиями (ср. *pilpil* «перец», *simindi* «кукуруза», *boloki* «редис», *toqi* «мотыга» и др.). В ряде случаев они вытеснили некоторые лексемы исконно дагестанского происхождения, сохранившиеся в других языках Дагестана. Так, груз. *baba* (детск.) «хлеб» вытеснило в бежтинском и гунизбском языках исконное слово (ср. цез., гин. *magalu* «хлеб») или же груз. *loko* // *l'ōko* вытеснило общеаварское *həe* «собака» в кусурском диалекте аварского языка и т. д. В некоторых языках они наряду с исконными лексемами употребляются параллельно: *seku* // *duduq* // *sajtul taqi* (чам.) «гриб»; *bozi* // *hem* (бежт., гуиз., цез.) «столб»; *yud* // *kowzi* (анц.) «ложка металлическая» и т. д. Их можно квалифицировать как лексические проникновения.

Существенно отметить, что нередко одни и те же грузинские заимствования повторяются во множестве различных языков Кавказа — дагестанских [9, 10, 12, 15], нахских [5, 28, 28], осетинском [30, 31], абхазско-адыгских [32], карачаево-балкарском [33] и других.

Известно, что среди иноязычных слов особое место в количественном и качественном отношениях занимают лексические заимствования. Различаются три типа последних: слова, кальки и семантические заимствования. Все они характерны и для дагестанских грузинизмов. Чтобы показать, насколько глубокими и древними были контакты грузинского и некоторых дагестанских языков, проиллюстрируем их хотя бы коротко на конкретных фактах и материалах.

Лексика. В количественном отношении заимствованная грузинская лексика в дагестанских языках представлена неодинаково. В аваро-андо-цезской языковой группе она наиболее значительна в цезских, а именно в бежтинском, гунизбском языках и в анцузском диалекте аварского, а в лезгинской группе — в цахурском и удинском. Сравнительно малочисленна она в закатальском диалекте аварского языка, гинухском, цезском и хваршинском языках, а также рутульском, лакском и некоторых других. В остальных языках и диалектах Дагестана случаи их фиксации единичны. В некоторых из них грузинизмы в настоящее время представляют собой замкнутый, почти не пополняющийся пласт лексики. Что же касается бежтинского, гунизбского, удинского, аварского языков, представленных на территории Грузии, то их лексика продолжает постоянно и интенсивно обогащаться за счет грузинизмов. Общее число последних и иноязычных слов, проникших в эти языки через грузинское посредство, составляет примерно 600 лексем.

Здесь почти нет такой отрасли лексики, которая не была бы пронизана соответствующими заимствованиями. Они охватывают самые разнообразные сферы человеческой деятельности, окружающего мира. Их условно можно группировать по ряду больших лексико-тематических разрядов: лексемы, связанные с человеком, животным и растительным миром, с животноводством и сельским хозяйством, а также с различными природными явлениями, религиозными и абстрактными понятиями, с домашним бытом, с общественно-политической жизнью, с названиями собственных имен, топонимов, микропонимов и этнонимов и т. д. Нами выявлено всего около пятидесяти лексико-тематических групп, в которых

число таких лексем составляет примерно от одного до трех десятков.

Не останавливаясь на тематической классификации, охарактеризуем бегло способы фонетико-морфологической адаптации, а также семантические сдвиги в дагестанских грузинизмах.

Фонетическое освоение. Одним из основных аспектов межъязыковых контактов является вопрос о фонетико-морфологическом освоении заимствованной лексики. Попав в дагестанские языки, она подвергается фонетической адаптации. В области вокализма здесь встречаются субституция гласных: *aklemi* «верблюды» > *aklamo* (гуnz.), *veli* «поле, равнина» > *wuli* (гин.), *wila* // *wulā* (цез.) «Грузия»; выпадение гласных: *maxati* «большая игла» > *maxat* (цах.) «мешочная игла», *γadari* «горящие угли» > *γadri* (бежт., сарус.); умлаутизация: *mačari* «молодое бродящее вино» > *māčāri* (удин.), *baki* «загон» > *bāki* (бежт.) «гурт овец»; уподобление гласных: *xerxi* «пила» > *zirix* (гин., цез.), *xerez* (хварш.); вставки гласных в консонантных комплексах: *mtieli* «горец» > *mutur(ar)* «грузины» (цах.), *qma* «раб» > *gema* (бежт.); назализация: *badrižani* «баклажаны» > *badrižā*; фарингализация: *tamaci* «храбрый» > *māmāc* (цах.) «трус», *toqi* «мотыга» > *toqi* (цез.); редукция: *balīša* «подушка» > *b'liši* (тив.) 'соfo «гриб» > *zko* (тив.) и т. д.

В области консонантизма представлены субституция сонорных и спирантов, наращение *h* и *ʰ* на гласный анлаут слова, сохранение в некоторых дагестанских грузинизмах анлаутного *h* (*hangariši*, *hormu* и т. д.), отсутствующего в современном грузинском языке в указанных словах, что, видимо, можно объяснить еще и тем, что в памятниках XVI—XVIII вв. наблюдалось искусственное явление — употребление *h* перед гласными *e*, *a*, *o* [34]. Исхода из этого, можно предположить, что такие лексемы проникли в дагестанские языки именно в указанную эпоху: абруптивизация и дезабруптивизация, аффрикатизация спирантов и смычных, дезаффрикатизация (аффрикат, отсутствующих в фонологической системе), спирантизация, палатализация (при наличии палатализованных в системе), ассимиляция, метатеза, афери́зис, выпадение инлаутного согласного в консонантном комплексе, вставка согласного, геминация.

Для некоторых диалектов цахурского и цезского языков в конце слова характерен закрытый тип слога, и поэтому почти во всех грузинизмах или усекается ауслаутный вокал [*birdabiri* «поперечная пила» > *girdabil*, *degerani* «коридор» > *darapan* (цах.)], или к конечному гласному добавляются со гласные *j* (чаще) и *g*, *w*, *h* (реже): *bofi* «козел» > *bofi j* (цах.), *čika* «зеркало» > *čikaj* (цез.), *tarazo* «балансир» > *tarazug* (цах.), *samare* «могила» > *samarew* (цах.). Появление ауслаутного *j* во многих случаях, видимо, можно объяснить как аналогию остаточному элементу окаменелого классного показателя, сохраняющемуся в исконных словах, характерному для многих дагестанских языков (в этих и других цахурских грузинизмах Г. Х. Ибрагимов ауслаутные элементы *-aj* // *-ij* // *-ra j* выделяет как словообразовательные суффиксы [35]). Однако думается, что пока нет достаточных оснований отказываться и от другой версии: *j* в них представляет собой элемент облика древнегрузинского слова.

В дагестанских грузинизмах налицо многочисленные фонетические изменения комбинаторного характера: а) выпадение слогов или группы слогов в анлауте, инлауте и ауслауте: *ačvani* «люлька» > *ačo* (бежт.), *lečaki* «вуаль» > *čaki* (тив.), *čiapəri* «пунцовый цвет» > *čija* (гуnz.) «краситель»; б) требующее своего объяснения наращение слогов или группы слогов в инлауте и ауслауте: *ixvi* «утка» > *ixuraq* (цез.), *neki* «мизинец» > *načila* // *lačila* (гин., цох.) и т. д.

Морфологическое освоение. Основную массу грузинизмов составляют простые слова. Встречаются и сложные слова, где оба компонента грузинские: *pezburti* «футбол» (бежт.), *ᵛeyi-čiri* «сухофрукты» (гуниз.), *baḱistaw* «овцевод» (цах.) и др. На дагестанской почве образуются композиты, где один из компонентов является грузинизмом: *gadaḡa-muḡo* «большой гвоздь», *daḡura joual* «испортить». Грузинские лексические элементы выступают в качестве опорных основ при образовании прилагательных (бежт. *gemoḡab* «вкусный» < *gemo* «вкус», авар. *ṣabullērab* «каштановый» < *ṣabli* «каштан»), глаголов (анц. *gelexzi* «становиться грязным» < *gelexab* «грязный» < *glexi* «крестьянин»), существительных (*mizezi* «причина» > бежт. *mezlagi*, цез. *mezlam* «капризник»).

Все грузинизмы — субстантивы, прилагательные, числительные — в дагестанских языках склоняются по падежам и подчиняются грамматической категории числа.

В распределении заимствованных имен существительных по грамматическим классам не видно какого-либо критерия за исключением лексем первых двух классов. Дагестанские грузинизмы представлены по всем именным классам, многие из них наличествуют в III и IV классах, а некоторая часть, например, в гунизбском — в V кл. Основным принципом их распределения является семантическая аналогия. Весьма интересна маркировка классными показателями отдельных заимствованных имен в некоторых диалектах аварского языка: *-aw* (I кл.), *-aj* (II кл.), *-ab* (III кл.). В некоторых дагестанских языках новейшие грузинизмы пока еще не закрепились ни в одном классе, они занимают нейтральную позицию и могут включаться то в III, то в IV класс.

В диалектах аварского языка встречаются грузинизмы, оформленные элементами *-i(b)*, *j-ab*: *wazib* (кусур.), *wazijab* (чад.) «виноградная лоза», *bayib* (кусур.) «сад», *indorijab* (чад.) «индюк», *ḱisrijab* (кусур.) «большой деревянный сосуд для молока и сыпучих тел» и др. Как отмечает И. А. Исаков, лексемы *wazib* «виноградная лоза» и *bayib* «сад» в кусурском диалекте аварского языка [36] оформлены классным показателем *-ib* (видимо, в этих и некоторых других лексемах в качестве классного показателя следует выделить *-b*, а не *-ib*). К. III. Микайлов пишет, что «аварцы стали оформлять каждое назывное слово специальным аффиксом. Им послужило, как и в грузинском, местоимение *-aw* (I гр. кл.), *-aj* (II гр. кл.), *-ab*, *-ib* (III гр. кл.) „этот, эта, это“» [37]. Возможно, к грузинизмам в староаварском языке присоединили классные показатели *-ab*, *-ib* (III гр. кл.), например: *vazi* > *wazij* + *ab* → *wazijab* (чад.) «виноградная лоза», *indauri* > *indorij* + *ab* → *indorijab* (чад.) «индюк», *ḱasri* > *ḱisrij* + *ab* → *ḱisrijab* (кусур.) «большой деревянный сосуд для молока и сыпучих тел». В кусурский диалект и чадаколовский говор анцухского диалекта аварского языка эти лексемы, видимо, проникли через иное языковое посредство, например, в кусурский через цахурский язык, а затем стали оформляться классными показателями по законам аварской морфологической системы. Чем же объяснить, что в кусурском диалекте в одном случае появляется классный показатель *-b*, а в другом *-ab* // *-ib* (*vazi* > *wazib*, *bayi* > *bayib*, но *ḱasri* > *ḱisrijab*)? Как нам кажется, KII *-ab* присоединен к грузинизму, заимствованному через цахурское языковое посредство, где он представлен формой *ḱasrij* «мерка для сыпучих тел (32 кг)». А чадаколовские *wazijab*, *indorijab*, возможно, проникли в указанный говор через посредство закатало-кахских говоров азербайджанского языка, в которые в свою очередь вошли из цахурского языка [38] или из нигилейского диалекта грузинского [39]. Кусурские формы

wazib (<*vazi*) «виноградная лоза», *bayib* (<*bayi*) «сад» заимствованы из грузинского, и поэтому они оформлены КП -b.

Среди знаменательных частей речи основную массу составляют имена существительные, далее следуют глаголы, прилагательные, наречия и числительные, а среди служебных слов — союзы, частицы и междометия. (И. В. Мегрелидзе отмечает особый грузинский счет по шестеркам, который применяется цезами преимущественно при игре в чикика [40].)

На основе детального анализа заимствованной грузинской лексики в дагестанских языках и дагестанской в грузинском возможно сделать широкие выводы фонетико-морфологического характера. Однако, как отмечает И. Ю. Алироев, — «при фонетико-морфологическом анализе заимствованной лексики необходимо учитывать уровень исследования рассматриваемых языков, особенно в его исторической части. Сегодня мы можем говорить о фонетико-морфологическом облике рассматриваемых лексем, исходя в основном из их современной формы, не имея возможности делать глубокие исторические экскурсы из-за отсутствия письменных памятников...» [5, с. 199].

Семантические сдвиги. В семантическом плане для дагестанских грузинизмов характерны процессы сдвига, расширения и сужения исторического значения лексем. Семантические переосмысления (изменения) разграничены в следующем плане — полное изменение значения: *arzelinad* «спокойно» > *arxijanat* (бект.) «надолго»; частичное изменение значения: *bozi* «столб» > *bozi* (гин.) «жердь»; полное изменение с расширением значения: *bolo* «хвост» > *bolo* (бект.) а) «ряд, линия», б) «лед»; полное изменение с частичным сужением значения слова: *burdo* «обмолот, остатки зерна (проса) после обмола» > *burdo* (гуыз., тляд.) «скирда»; расширение значения лексем — их можно разбить на синонимические: *arxi* «канал» > *arxi* (цез.) «канал, яма» и омофонические: *ɣala* «оброк» > *ɣala* (бект., гуыз.) а) добро, богатство, б) нектар, в) жировой слой в области живота. Налицо также случаи, в которых произошло сужение значения слов: *ɕaɕa* а) виноградные выжимки, б) водка из этих выжимок > *ɕaɕa* (авар.-анд.-цез.) «водка, самогон», *cize* «крепость, тюрьма» > *cizej* // *cixij* // *cexej* (цах.) «крепость».

Представляется весьма интересным выявление грузинско-дагестанских семантических схождений (параллелей), не ставшее пока объектом исследования. Разработка этой проблемы затруднена, так как отсутствуют полные толковые словари, даже по дагестанским литературным языкам, не говоря уже об отсутствии переводно-толковых словарей по многочисленным бесписьменным.

Наряду с простыми лексемами из грузинского языка заимствованы отдельные поговорки и пословицы, а также сложные и составные образования: *topis camali* «порох» > *topilos camali* (гуыз.), *topilas camali* (бект.); *abrešumis kaba* «шелковое платье» > *arbašulis kaba* (тляд.). Большинство из них калькировано, а некоторая часть употребляется в полукалькированном (гибридном) виде. Ср.: *aguris peri* «кирпичный цвет» — *agurijas bej* (бект., гуыз.), *zelismočera* «подпись» — *kō(koro) ɕaxijol'i* (*ɕaxerl'i*) (бект., гуыз.); *dɣevandeli kverczi žobia xvalimdel katams* «чем завтрашняя курица, лучше сегодняшнее яйцо» — *xisala güdɣä žejšas cemuc bižes* (бект.), *xizorzo opoɕal'a, adersi keneɕ jigu* (цез.). В некоторых случаях пословицы и поговорки не калькированы и употребляются в речи как в языке-источнике, например: *marti morča dardi morča* (груз. > бект.) «март прошел, зимние заботы прошли». Много общего в грузинском и дагестанских языках в образовании моделей фразеологических и других оборотов речи.

Ср. груз. и бежт.: *tvalis gamoṡeba* — *hāj jaṡal* «выколоть глаза» (букв. «вынуть глаза»), *salamis aṡeba* — *salam bozal* «отвечать на приветствие» (букв. «взять привет»), *korčilis kna* — *bejten jowal* «сыграть свадьбу» (букв. «делать свадьбу») и т. д.

Грузицизмы выступают в качестве синонимов и омонимов к исконным лексемам. Так, в бежтинском синонимичный ряд нередко составляют слова из разных языков: *keṡe* — *ḡobzi* (груз. — груз.) «ложка», *bozi* — *hem* (груз. — бежт.) «столб», *raṡo* — *raxas* (груз. — авар.) «цепь», *sabani* — *jor-ṡan* — *adijal* (груз. — тюрк. — русск.) «одеяло», *aguri* — *kirpič* (груз. — русск.). Ср. омонимы: *čala* «солома» — *čala* «камыш» — *čala* «ленточка», *topi* «ружье» — *top(i)* «кипа чего-л.», *ḡaba* «платье» — *ḡaba* «лысая голова» и др.

Вопрос о фонетико-морфологическом воздействии грузинского языка на некоторые дагестанские языки представляется весьма важным и интересным, хотя и остается малонисследованным. В отличие от лексики в области фонетики и морфологии это воздействие незначительно. А в синтаксисе оно еще менее ощутимо или вообще отсутствует. Синтаксис в этом плане является более устойчивым, менее проницаемым.

В области фонетики можно отметить следующие явления: 1) утрата усиленных звуков в цезских языках, видимо, под влиянием грузинского языка [17, с. 25]; 2) появление нехарактерного в целом для аваро-андийских языков вторичного абруптивного *p* в анцухском диалекте аварского языка и цезских языках и соответственно образование, как в грузинском, трюичной системы взрывных — *b*, *p*, *p*; 3) в некоторых дагестанских языках под влиянием грузинского языка появляются смычно-гортанные *p*, *t*, *ḡ*; 4) «положение о том, что в результате длительного контакта фонетические системы соседних языков независимо от того, являются ли они родственными или нет, имеют тенденцию сближения друг с другом, является твердо установленным фактом» [41]. И, соответственно, отсутствие *h* в бежтинском говоре, видимо, можно объяснить на основании длительных и особо тесных контактов собственно бежтинцев с грузинами. В настоящее время в бежтинском говоре ларингальный *h* является фонемой повышенной частотности, соответствующей ларингальным *h* и *h* родственных языков, а *h* исчезла из фонетической системы; 5) аварцы (бежтинцы, гунибцы и анцухцы), живущие вот уже более ста лет в Грузии, особенно молодое поколение, знающие хорошо грузинский язык, чисто произносят грузинские звуки, отсутствующие в фонетической системе бежтинского, гунибского и анцухского диалектов аварского языка (например, аффрикаты *z*, *ž*), лабиализованные согласные *k₀*, *x₀*, *š₀* и т. д., а также сохраняют в словах комплексы согласных.

В области морфологии также можно отметить некоторые следы былого воздействия грузинского языка на цезские. 1) Можно предположить, что под влиянием грузинского в гядадьском говоре бежтинского языка произошло стяжение нилаута в глаголах и существительных: *ḡḡona gej* // *geli* → *ḡḡonaj* «пришел», *učitel gej* // *geli* → *učiteli* «учитель есть». Ср. груз. *kalaki aris* → *kalakia* «город есть». 2) При склонении личных местоимений обоих чисел совпадают формы им. и эрг. падежей в бежтинском, гунибском, анцухском и цезском языках. Такое явление характерно для грузинского. В хваршинском, не имевшем непосредственного контакта с грузинским, формы им. и эрг. падежей дифференцированы [18, с. 268—269]. 3) Отсутствие категории эксклюзива-инклюзива в цезских языках может быть в какой-то мере объяснено воздействием грузинского языка, где эта категория также отсутствует. 4) Едва ли можно объяснить случайностью

совпадение формантов условного наклонения (с условным значением) -*da* (бежт.), -*do* (гуз.), и груз., например: *ēl'e-da*, *ēl'e-do*, *midis-da* «если идет». Или совпадение формы настоящего времени и должностной формы в грузинском и в некоторых цезских языках (формант -*s*): *co'o-s* (бежт.), *sov-s* (груз.), *c-un-s* (мегр.) «сосет». 5) Образование некоторых сложных слов и повторов по аналогии с грузинской нормой. 6) Заимствование словообразовательных аффиксов (-*iki*, -*ni*). Все эти вопросы, изложенные здесь в тезисном плане, требуют своего конкретного освещения и большей аргументации.

Думается, таким образом, что перед исследователями очерченной здесь проблематики открывается обширное поле деятельности. По существу перед нами одно из важнейших направлений лингвоареального исследования на Кавказе, которое должно пролить свет на вопрос о существовании языкового союза в пределах этого региона. Имеются основания предполагать, что некоторые из результатов контактного взаимодействия языков представляют определенный интерес для теории ареальной лингвистики. Вполне очевидна ценность этого материала и в плане возможности целого ряда выводов экстралингвистического порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Церетели Г. В. О теории сонантов и аблаута в картвельских языках // Гамкредидзе Т. В., Мачавариани Г. И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках: Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965. С. 049.
2. Job D. M. Probleme eines typologischen Vergleichs iberokaukasischer und indogermanischer Phonemsysteme im Kaukasus. Frankfurt/M.; Bern, 1977.
3. Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986.
4. Утурсаидзе Ф. Г. Некоторые особенности горских говоров грузинского языка Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
5. Алироев И. Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978.
6. Мегрелидзе И. В. Из дидойско-грузинских языковых взаимоотношений // За марксистское языкознание. Тбилиси, 1934. С. 165—184 (на груз. яз.).
7. Топурия В. Г. Лексические и грамматические параллели между картвельскими и ласкскими языками // Тез. научн. сессии. Отдел общественных наук АН ГрузССР. Тбилиси, 1941. С. 15—16 (на груз. яз.).
8. Панчвидзе В. И. Морфологические встречи удийского языка с грузинско-картвельскими языками // ИКЯ. Т. I. 1946 (на груз. яз.).
9. Бокарев Е. А. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959.
10. Михайлов Ш. И. Очерки аварской диалектологии. М., 1959.
11. Гудая Т. Е. О лексических встречах между грузинским и аварским языками // Сообщ. АН ГрузССР. 1954. Т. XV. № 10 (на груз. яз.).
12. Хайдаков С. М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973.
13. Джейранишвили Е. Ф. Удийский язык (Грамматика. Хрестоматия. Словарь). Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
14. Климов Г. А. О некоторых словарных общностях картвельских и нахско-дагестанских языков // Этимология. 1970. М., 1970.
15. Ибрагимов Г. Х. Цахурско-грузинские лексические параллели // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977.
16. Казадзе О. А. Грузинско-лезгинские лексические встречи // ЕИКЯ. 1988. Т. XV.
17. Гудая Т. Е. Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков. Тбилиси, 1979.
18. Михайлов К. Ш., Агмедов А. А. О некоторых разрядах местоимений в гинухском языке // ЕИКЯ. 1983. Т. X.
19. Klimow G., Chalilow M. Über georgische Lehnwörter in der Beshitininischen Sprache // Georgica. Hf. X. Jena; Tbilissi, 1987.
20. Михайлов К. Ш. Несколько грузинских этимологий (заимствованный фонд) // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977.
21. Михайлов К. Ш. Грузинские названия на географической карте Дагестана //

- Тез. докл. конф., посвященной 20-летию со дня организации Дагестанского филиала ГО СССР. Махачкала, 1979.
22. Гасанов М. Р. Топонимические названия как результат связей Дагестана и Грузии // Тез. докл. конф., посвященной итогам географических исследований в Дагестане. Махачкала, 1986.
 23. Халилов М. Ш. Бежтинские топонимы для обозначения Грузии // Тез. докл. конф., посвященной итогам географических исследований в Дагестане. Вып. XIII. Махачкала, 1981.
 24. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
 25. Чикобава А. С., Гудава Т. Е. Грузинско-аварская надпись XIV в. из Дагестана // Сообщ. Груз. филиала АН СССР. 1940. Т. I. № 4.
 26. Гудава Т. Е. Две надписи (грузинская, грузинско-аварская) из Дагестана // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. 30. Тбилиси, 1954.
 27. Мурадян Г. М. Грузинская эпиграфика Армении: источниковедческое исследование. Ч. I—II. Ереван, 1977.
 28. Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык. М., 1953. С. 338.
 29. Аадироев И. А. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975.
 30. Тезов Ф. Г. Кавказский слой в терминах растений в осетинском языке // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977.
 31. Тедеева О. Г. Очерки по грузино-осетинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1983. С. 199—226.
 32. Шагиров А. К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М., 1989. С. 139—153.
 33. Хабичев М. А. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. Черкесск, 1980.
 34. Кацетарадзе И. И. История грузинского языка. Т. I (XII—XVIII вв.). Тбилиси, 1964. С. 387 (на груз. яз.).
 35. Ибрагимов Г. Х. Диалекты цахурского языка (рукопись) // Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Оп. 4. С. 194, 195, 198.
 36. Исаков И. А. Иноязычный элемент в кукурском говоре аварского языка // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. С. 167.
 37. Микаилов К. Ш. О маркированном Nominative в староаварском языке // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. Махачкала, 1987. С. 162.
 38. Асланов А. М. Взаимодействие азербайджанского языка с другими языками на территории Азербайджанской ССР: Автореф. дис... докт. филол. наук. Баку, 1982. С. 40.
 39. Джангидзе В. Г. Грузинские лексические элементы в дманисском говоре азербайджанского языка // Тр. Ин-та языкознания АН ГрузССР. Сер. восточных языков. 1957. Т. 2. С. 241—242.
 40. Мегрелидзе И. В. Числительные дидойского языка // Тр. Цхинвальского гос. пед. ин-та. 1955. Т. II. С. 222.
 41. Гринберг Дж. Изучение языковых контактов в Африке // Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1972. С. 133.